

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИНТУИТИВНОЕ ПОЗНАНИЕ?

Мориц Шлик

Мориц Шлик (1882–1936) — немецко-австрийский философ, один из основоположников аналитической философии, организатор Венского кружка, ставшего центром распространения логического позитивизма.

FRIEDRICH ALBERT MORITZ SCHLICK (1882–1936) — German-Austrian philosopher, one of the founders on analytic philosophy, founder of the Vienna Circle which became the center of logical positivism distribution.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ К ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМУ — УЧЕНИЕ ОБ ИНТУИТИВНОМ ПОЗНАНИИ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДЛЯ ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ — АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ПОЗНАНИЯ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ИНТУИЦИЯ НИКОГДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЗНАНИЕМ — СМЕШЕНИЕ ДВУХ ЭТИХ ПОНЯТИЙ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

ВСЯКИЙ, кто принимает близко к сердцу главные цели науки, с великой радостью наблюдал за братскими отношениями, завязавшимися между философией и естествознанием несколько десятилетий тому назад и примирившими наконец враждебное противостояние, начало которому было положено Шеллингом и Гегелем. Естествоиспытатели, решая свои собственные вопросы, входили в область теории познания и философии, а философы убеждались в бесплодности любой чистой спекуляции, которая не основывалась целиком и полностью на результатах и методах позитивной науки. Поэтому и те и другие соединяли дружеские усилия в совместной работе, прокладывая к истине широкую дорогу, пролегающую через обе эти области.

Казалось, что глубокое понимание и уважение с обеих сторон должно было постоянно укреплять это благоприятное положение и приносить прекрасные плоды. Но если внимательно приглядеться к современной ситуации, то я боюсь, что можно заметить признаки, указывающие на разрушение этой дружбы. Может быть, причины этому следует разыскивать в нынешнем неустойчивом положении последних оснований точных наук, разочаровавшем, возможно, некоторых мыслителей, которые прежде безусловно восхищались этими основаниями. А может быть, этому есть и более глубокие причины, например более общее «идеалистическое» устремление духа времени. Но чем бы ни было вызвано это взаимное отчуждение, в нем следует видеть серьезную опасность

Перевод с немецкого *Виталия Куренного* по изданию: © Schlick M. Gibt es Intuitive Erkenntnis? // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. 1913. Bd. 37. S. 472–488.

(особенно для философии) и предпринять все возможное, чтобы подавить в зародыше эти недоразумения.

В философском лагере дает о себе знать определенное недовольство точными науками. Оно проявляется в разных формах, словно бы философия пробуждается от сна, в который она была погружена пристальным гипнотизирующим взглядом точного исследования. На одном собрании естествоиспытателей один уважаемый психолог и мыслитель делал доклад, который завершался обращенным к естествоиспытателям напоминанием, что философствование должно быть предоставлено одним только профессиональным философам¹. Это означает установление границы, в которой следует видеть опасность для здорового развития науки даже в том случае, если мы совершенно не согласны с теми философскими идеями, которые были выдвинуты известными естествоиспытателями нашего времени. Но есть и более угрожающие явления. Распространились рассуждения о «банкротстве науки», говорят о «крахе рационализма», понимая под этим (лукаво подменяя значение слов) недостаточный характер философии, основанной на теории познания естественных наук². Глубокое воздействие оказали книги Эйкена; идеи Бергсона приобретают на удивление много приверженцев, и в том же направлении действуют мощные импульсы, идущие от У. Джеймса, восхищавшегося Бергсоном. Большим успехом пользуются сочинения тяготеющего к Гегелю графа Кейзерлинга, в работах которого эстетизм превалирует над научностью.

У этих и многих других мыслителей мы обнаруживаем явный отказ от понятия познания, принятого в точных естественных науках. Дело не в том, что они выступают против методов и результатов этих дисциплин, — такое больше невозможно. Но их философия чувствует себя неуютно и стесненно в атмосфере математики и количественных показателей. Поэтому она спешит отвернуться от мира, которым завладело точное исследование, и найти такую область, где ей больше не будет мешать опирающееся на математику познание природы.

И такой областью является интуиция.

Все более распространяется и приветствуется точка зрения этих философов, состоящая в том, что количественные математические методы не способны привести к познанию важнейших и наиболее фундаментальных вещей и что их следует заменить «абсолютным

1. *Külpe O. Erkenntnistheorie und Naturwissenschaft.* Leipzig: Verlag von. S. Hirzel, 1910.

2. Ср.: *Goldstein J. Wandlungen in der Philosophie der Gegenwart.* Leipzig: W. Klinkhardt, 1911.

эмпиризмом» (Джеймс) и «интуицией». Они утверждают, что фундаментальных прозрений мы достигаем не с помощью сравнения, измерения и счета, а посредством совершенно непосредственного опыта, с помощью жизни и созерцания. В первую очередь благодаря остроумной диалектике и красноречию Бергсона понятие интуитивного познания, переставшее играть сколько-нибудь заметную роль после завершения эпохи средневековых мистиков, было вновь введено в моду.

Очень ясно и энергично Бергсон показал, что абсолютно и принципиально невозможно использовать по отношению к психическим величинам (объединенным у него понятием *durée réelle*) понятие количества, использующееся в математике, то есть их нельзя *измерять* в строгом смысле точной науки. Их природа является чисто качественной, а это значит, что ее нельзя представить посредством чистых количеств³. Поскольку же вся действительность первоначально дана нам только качественно и поскольку переживания, вне всяких сомнений, являются чем-то реальным, то он заключил, что количественный математический метод дает лишь искаженное знание. И поскольку этот метод сначала требует перевода действительности на свой язык, представляя ее символически, с помощью чисел, то он никогда не сможет постичь ее истинную сущность. На это способна только интуиция. Именно она является методом философии и метафизики. «Философствование состоит в том, чтобы, призвав на помощь интуицию, поместить себя внутрь объекта»⁴.

Исходя из несомненного и верного факта, аргументация Бергсона действует подкупающе. Она шла навстречу уже существующим тенденциям, а потому смогла приобрести могущественное влияние. И нигде, пожалуй, это влияние не обнаруживается столь заметно, как в том повороте, который недавно придал изложению своих философских идей Э. Гуссерль. Гуссерль, как и Бергсон (ранняя работа которого, посвященная математике, была отмечена наградой), сведущ в математике. Интуитивный метод он превозносит над количественным математическим понятием познания в качестве специфического философского метода, хорошо отдавая себе отчет в существовании этого шага и его необычайном значении. Гуссерль

3. Об этом см. мою статью о границах естественно-научного и философского образования понятий: *Schlick M. Das Wesen der Wahrheit nach der modernen Logik // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. 1910. Bd. 34. S. 386–477.*
4. *Bergson A. Einführung in die Metaphysik. Jena: Eugen Diederichs, 1909. S. 26 (ср.: Бергсон А. Введение в метафизику // Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Издание М. И. Семенова, 1914. Т. 5. С. 6).*

говорит: «Но по самому существу своему, поскольку она направляется на последние начала, философия в своей научной работе принуждена двигаться в атмосфере прямой интуиции, и величайшим шагом, который должно сделать наше время, является признание того, что при философской в истинном смысле слова интуиции, при феноменологическом постижении сущности открывается бесконечное поле работы и такая наука, которая в состоянии получить массу точнейших и обладающих для всякой дальнейшей философии решительным значением познаний без всяких косвенно символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств»⁵. Только чтобы показать, насколько эта философия даже по своему внешнему стилю напоминает о ранних периодах немецкой спекуляции, я приведу еще одно предложение: «Созерцание созерцает сущность как сущностное бытие и не созерцает и не полагает ни в каком смысле существование»⁶. Однако наиболее утонченную и радикальную формулировку интуитивное познание получает в следующих словах Гуссерля: «Все дело при этом заключается в том, чтобы видеть и считать вполне естественным, что совершенно подобно тому, как можно непосредственно слышать звук, можно созерцать „сущность“, сущность „звука“, сущность „вещного явления“, сущность „видимой вещи“, сущность „образного представления“ и т. д. и, созерцая, высказывать сущностные суждения»⁷. И эти воззрения должны положить начало «Философии как строгой науки» (ибо именно так называется цитируемая нами статья), к которой до сих пор безрезультатно стремились все серьезные мыслители!

Я, напротив, уверен, что посредством интуиции, посредством созерцания *вообще нельзя достичь никакого познания*. Интуиция не только не является методом *строгой науки*, но и *вообще не является* научным методом.

Чтобы убедиться в этом, достаточно задаться вопросом: что, собственно, означает познание?

Примечательно, сколь редко в истории философии можно встретить тщательный, подробный ответ на этот простой вопрос. Философы занимаются исследованием границ познания и его возможностью, предпосылками познания и его целями, но простую формулировку — что такое познание? — мы встречаем нечасто. Что же это, собственно, значит, когда говорят, что *познают* некий

5. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 240.

6. Там же. С. 214.

7. Там же. С. 216.

предмет или процесс? Можно, конечно, подумать, что в каждом отдельном случае без всякого дальнейшего исследования и разъяснения уже известно, что подразумевается под этим выражением. Но именно такая точка зрения ведет к опрометчивому использованию слова «познание» и к распространению этого понятия на случаи, которые под него вовсе не подпадают. Мы тотчас же убедимся в том, что именно такой случай имеет место, когда речь идет об интуитивном познании.

Если вдали я вижу большую птицу и говорю: «Я знаю, что это аист», что я при этом имею в виду? Очевидно то, что эта птица относится к хорошо знакомому мне виду, который известен мне благодаря наблюдению или обучению и который я был обучен называть именем «аисты». У птицы я обнаруживаю определенные признаки: большой клюв, длинные ноги и т. д., которые не являются для меня чем-то новым, — я привык считать их признаками породы аистов. Таким образом, познание имеет место только в силу сравнения чего-то нового с чем-то известным благодаря обнаружению первого во втором. Познание включает в себя два члена: нечто, что познается, и то, в *качестве чего* оно познается. Когда мы встречаем что-то новое, оно остается непознанным, необъясненным до тех пор, пока мы не в состоянии обнаружить в нем подобия с чем-то нам уже известным на опыте. Иными словами, пока мы не способны включить его в круг наших воспоминаний, в область того, что уже было пережито раньше, то есть пока мы не способны назвать его известным нам именем.

Этот пример был взят из повседневного употребления слова «познание». Но не иначе обстоят дела и при его использовании в науке: мы встречаем здесь те же самые моменты. Когда, например, физика сообщает нам, что познала сущность теплоты (состоящую в движении мельчайших частиц материи), то это означает, что благодаря экспериментам и теоретическим рассуждениям удалось в процессах, происходящих с теплым телом, распознать свойства системы, состоящей из быстро движущихся небольших частичек. Или когда в химии утверждается, что познан состав бензола (представляющий собой определенную связь углерода и водорода), то это означает, что в бензоле были обнаружены именно эти, а не какие-то другие, хорошо известные химические элементы. Бензол представляет собой не какое-то новое вещество, которое нельзя ни к чему редуцировать, а относится к классу углеводородных соединений, занимающая в нем вполне определенное место. Когда в филологии разыскивается происхождение какого-то слова, то и в этом случае (который здесь нет необходимости рассма-

тривать подробнее) любое познание заключается в сведении того, что следует познать, к тому, в качестве чего оно познается. Всегда присутствуют два члена, которые в акте познания связываются таким образом, что один распознается и обнаруживается в другом.

Возьмем любой пример из какой-нибудь науки: там, где существует несомненный, общепризнанный прогресс в познании, познание, понимание, объяснение всегда представляют собой выявление именно такого отношения между двумя членами (а косвенно тем самым отношения между многими членами, так как каждый из них связан с другими).

Эта характеристика процесса познания, разумеется, не является исчерпывающей; она должна быть дополнена и расширена во многих отношениях. Речь здесь идет только о том, чтобы извлечь из этого процесса тот интегрирующий момент, который важен для нашей цели. Впрочем, этот момент назывался в качестве существенного и ранее, например, Авенариусом, который говорит, что в ходе познания душа «сводит непознанное к тому, что в качестве познанного уже составляет наше духовное достояние»⁸.

В наиболее же совершенном виде этот момент проявляется в точных, измеряющих науках, поскольку основательное теоретико-познавательное осмысление (в подробности которого мы здесь не входим) показывает, что полное, окончательное сведение чего-то одного к чему-то другому возможно только с помощью числовых понятий. Дело в том, что только количественные, а не качественные отношения позволяют обнаружить одно в другом, не внося в него никаких изменений, обнаружить одно в другом в качестве его самого, как это имеет место в сумме слагаемых единиц. Следовательно, науки, основывающиеся на математическом методе, более всего подходят на роль идеала познания и являются образцом и целью для всех других дисциплин.

Итак, любое познание в науке характеризуется тем, что осуществляет сведение двух членов друг к другу, происходит обнаружение одного в другом. Но здесь Бергсон и близкие ему мыслители говорят: может быть, но философское, в особенности же метафизическое познание есть познание совершенно иного рода — оно является интуитивным!

Это утверждение, в котором общеупотребительное понятие познания используется применительно к интуиции, правомерно, очевидно, постольку, поскольку эти мыслители считают, что ин-

8. *Avenarius R. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses: Prolegomena zu einer Kritik der Reinen Erfahrung.* Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1876. S. 10.

туиция в каком-то смысле выполняет ту же или аналогичную роль, что и обычное, сравнивающее познание. Так оно и есть: они полагают, что интуиция позволяет нам совершенным образом достичь того, к чему тщетно стремится естественно-научное познание, использующее несовершенные средства.

Но на самом деле результатом двух этих подходов являются совершенно разные вещи. Они двигаются в диаметрально противоположных направлениях, и было бы величайшим заблуждением приписывать им общую цель. В то время как для научного познания существенно то, что мы описанным образом связываем между собой два (или более) члена, тем самым определяя, «познавая» какой-то предмет, в случае созерцания, интуиции нам противостоит один-единственный предмет, который не сопрягается ни с чем другим. Таким образом, речь идет о каком-то совершенно ином процессе и интуиция не имеет с познанием ничего общего.

Когда я придаюсь созерцанию безоблачного неба, будучи полностью захвачен переживанием ощущения голубого цвета, когда я, занимаясь каким-то делом, совершенно поглощен чувством деятельности, то в этих случаях я интуитивно переживаю голубой цвет и деятельность. Но могу ли я сказать, что познаю сущность голубого цвета или деятельности? Конечно же, нет. Вот если бы я исследовал длину волны голубого цвета, измерял его интенсивность и т. д., короче, включал бы его в общую взаимосвязь своего физического знания или если бы я психологически анализировал чувство деятельности, открывая в нем, скажем, ощущение напряжения, чувство удовольствия и т. д., то *только в таком случае* я мог бы с определенным правом сказать, что познаю голубой цвет или чувство деятельности. Я мог бы говорить о познании — хотя и самого низкого уровня, — осуществляя так называемую апперцепцию чувственного восприятия. Ибо посредством ее чувственное восприятие включается в круг известных мне представлений, в частности, голубой опознается как цвет, обозначаемый словом «голубой», хотя это и происходит не посредством сознательного сравнения, а благодаря произвольной ассоциации. Но и этот процесс выходит уже далеко за пределы чистой перцепции чувственного представления, за пределы чистого переживания, каковым и является интуиция. Часто употребляемое выражение «познание восприятия» также имеет смысл лишь постольку, поскольку относится к апперцепции. Не следует думать, что воспринимаемое может познаваться только путем переживания восприятия, путем чистой перцепции.

Пока предмет ни с чем не сравнивается, не включается каким-то образом в некую систему понятий, он *не* познается. Посредством

интуиции нам нечто лишь *дано*, но не *понято*⁹. Интуиция есть чистое переживание¹⁰, познание же есть что-то иное, нечто большее. Познание, одновременно являющееся интуицией, *интуитивное познание* — *это contradictio in adiecto*. Понимается или познается предмет в силу того, что ему с помощью описанного акта восприимчивости находится правильное, подходящее место в сфере нашего знания, а это становится возможным благодаря понятиям, которые, так сказать, оглашают нам учетные номера, присущие этому предмету или процессу, то есть те номера, которые конституируют его из уже известных нам элементов. Поэтому познание всегда представляет собой обозначение с помощью понятий, символов. Таким образом, говорить о познании, которое может «обходиться без символов»¹¹, — значит вступать в противоречие с самим собой.

Тот, кто однажды полностью выяснил для себя характер познания как, по существу, сравнивающей, обозначающей, упорядочивающей деятельности, уже никогда не подвергнется искушению считать познанием акт чистого созерцания, смешивать и то и другое. Кто же всерьез станет думать, что состав бензола (вернемся к нашим примерам) может быть познан, если «поставить себя на место» этого вещества, а природа теплоты — если стать с ней «одним целым» (например, когда у нас повышена температура)! Даже если бы существовала интуиция (а ее не существует), которая позволяла бы нам поставить себя на место вещей, она все равно никогда не была бы познанием. Некультурный человек или животное видят природу, возможно, намного лучше нас, они намного глубже погружены в нее, в силу большей обостренности чувств они переживают ее более интенсивно, но они не только не познают природу лучше нас, но и *вообще ее не познают*.

Посредством переживания, созерцания мы ничего не постигаем и не объясняем. Можно сказать, что мы приобретаем осведомленность [*Wissen*] о каких-то вещах, но не понимание [*Verständnis*]

9. Автор прибегает к распространенной в немецком философском языке игре слов: *Begriff* (понятие) — *begreifen* (постигать, схватывать, понимать). — Прим. пер.

10. В одной из своих статей об интуиции Герман Граф Кейзерлинг (*Keyserling H. G. Das Wesen der Intuition und Ihre Rolle in der Philosophie // Logos. 1912. Bd. III. Heft 3. S. 61*) понимает это выражение, скорее, в популярном смысле, в котором мы говорим об интуиции врача, коммерсанта, естествоиспытателя, определяя ее как «изначальную способность постигать и продуцировать определенную взаимосвязь». Эта техническая способность не имеет ничего общего с интуицией Бергсона; смешивая и то и другое, Кейзерлинг только увеличивает путаницу.

11. *Bergson H. Op. cit. S. 5.*

вещей. Но если мы стремимся к познанию, то в любой науке, равно как и в любой философии, мы стремимся только к такому пониманию. Осмотрительные мыслители всегда совершенно ясно чувствовали различие между наукой и осведомленностью, иногда формулируя это различие. Так, например, Риль говорит: «И в самом деле, мы видим, что наука редуцирует содержание опыта к тому, что в ней законно, к тому, что является единообразно повторяющимся, что доступно количественному определению, следовательно, к тому, что может быть представлено в виде операций с величинами, короче говоря, к тому, что *постижимо*. Все прочее является объектом не постижения, а непосредственной осведомленности, то есть чувства, ощущения и восприятия»¹². Голая осведомленность, которая непосредственно дана нам с помощью интуиции, есть нечто *toto coelo*, отличное от познания данного. Познание всегда принимает форму суждения, а суждение предполагает сравнение и связывание. Мышление, смешивающее друг с другом осведомленность и познание, ввязывается в дурную авантюру. Например, теория познания Г. Риккерта¹³ основана на аргументации, в которой слово «знание» употребляется то в смысле познания, то в смысле интуитивной данности. Разумеется, теория, обоснованная таким образом, является беспомощной. Сюда же относится и различие, которое Гуссерль проводит между слушанием звука и «видением» сущности «звука»: оно представляет собой всего лишь различие между психическим актом слушания и осведомленностью относительно звука; эта осведомленность не является *познанием* сущности звука, как в этом нас пытаются уверить феноменологи.

Необходимо прежде всего отказаться от мысли, что если познание оказывается деятельностью, направленной на упорядочивание, сравнение, разыскание уже известного, то это означает развенчание, деградацию познания, что такой вид познания является всего лишь паллиативом, которым мы должны довольствоваться, поскольку мы не наделены неким лучшим способом познания; так, словно бы вполне мыслим более прямой и совершенный метод познания, а именно интуитивное познание, или «интеллектуальное созерцание», с помощью которого наделенные им существа могут каким-то непосредственным и сокровенным образом постигать предмет, который необходимо познать. Все обстоит совершенно иначе. Напротив, способ познания, которым мы в действительности обладаем, наше сравнивающее, понятийное, дискурсивное по-

12. *Riehl A. Der philosophische Kritizismus. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1908. Bd. 1. S. 221.*

13. Как я показал в своей статье: *Schlick M. Das Wesen der Wahrheit... S. 399.*

знание дает нам именно то, что мы ожидаем от него получить. Интеллектуальная потребность, ради которой мы занимаемся наукой, вполне удовлетворяется этим нашим познанием; слияние с вещами, интуиция, интеллектуальное созерцание не удовлетворяли бы ее. Наше познание на разный манер идет в ногу с нашими потребностями — и в жизни, и в технике. Интуиция, чистое созерцание были бы здесь совершенно бесполезны.

Все то множество заблуждений, с которыми мы здесь боремся, возникает, однако, оттого, что познание ложно понимается как прямое, непосредственное отношение между познающим и познаваемым, тогда как необходимо уяснить себе, что оно означает установление познающим отношения между различными членами.

Акт, посредством которого познающий, согласно этой неверной, наивной точке зрения, будто бы прямо схватывает познаваемое, по большей части весьма смутно представляется философами, причем на разный манер. Самым простым из мыслимых отношений между познающим и познаваемым было бы, очевидно, отношение тождества. И действительно, мистики также считали, что в акте созерцания субъект отождествляется с созерцаемым объектом: познающий становится одним целым с познаваемым.

Другие философы несколько более скромны: они рассматривают непосредственное отношение между субъектом и предметом не как тождество, а как разновидность сокровенного прикосновения, которое может быть описано лишь с помощью метафор, которые в таком случае по большей части заимствуются из области тактильных образов. Возможно, это связано с тем, что наивный человек, как известно, непроизвольно считает, что осязание самым глубоким образом раскрывает нам сущность чувственных предметов: ребенок стремится пощупать новый предмет, взять его в руки. Потому-то слова *схватывание* и *постижение* чаще всего используется вместо «познания». Правда, определять познание с помощью этих слов — занятие напрасное (хотя нередко так и стремятся поступать). Мистик Ф. Баадер заявляет, что познание является «охватыванием» предмета, предмет, так сказать, кругом охватывается познающим; но он также называет этот акт «проникновением и вхождением», что, очевидно, есть нечто обратное; равно как и когда говорится о «помещении себя на место» предмета: в этом случае познаваемый объект представляется как объемлющий субъекта. За пределы этих грубых чувственных образов невозможно выйти, пока мы разделяем основное заблуждение, состоящее в том, что в случае познания речь идет о прямом, простом отношении между предметом и познающим. Конечно, познание

есть охватывание, но именно охватывание, окружение посредством понятий, благодаря чему познаваемому объекту однозначно отводится некоторое место в их кругу.

И именно поэтому любое познание по своей сущности является понятийным. Строго говоря, противоречиво говорить о созерцательном познании. Если хочется использовать это выражение, то под ним следует понимать только такое познание, в котором задействованы понятия, репрезентированные в мышлении только наглядными, созерцательными представлениями. Такого рода репрезентанты чрезвычайно облегчают мышление как психологический процесс, более того, только они и делают его возможным. Поэтому мы всегда стремимся к «наглядному» познанию в только что указанном смысле. Может случиться и так, что наглядное будет рассматриваться как существенный момент познания, а познание и созерцание окажутся неясным образом смешаны между собой. Но в действительности созерцание есть лишь желательная приправа, которая психологически позволяет нам увидеть то, что существенно в познании, — понятийные отношения, подобно тому как окрашивание позволяет выделить детали объекта, рассматриваемого в микроскоп. Но именно в случае наиболее глубокого познания, например в теоретической физике, в последнее время было обнаружено, что в некоторых пунктах следует отказаться от всякой наглядной репрезентации, чтобы сохранить познание в его полной чистоте.

Кант еще заблуждался относительно роли созерцания в познании, поэтому его критика чистого разума могла начинаться словами: «Каким бы образом и с помощью каких бы средств ни относилось познание к предметам, во всяком случае созерцание есть именно тот способ, каким познание непосредственно относится к ним и к которому как к средству стремится всякое мышление»¹⁴. Такое запутанное понимание процесса познания и его преимущественной формы во многих случаях усложнило задачу великого мыслителя. В частности, только с неверно выбранной точки зрения могла вообще быть поставлена проблема возможности познания вещей самих по себе. Даже если бы существовала чудесная возможность созерцания, с помощью которой вещи, так как они есть сами по себе, «переселились в мою способность представления»¹⁵, таким образом, что наше сознание действительно составляло бы с ними одно целое, то и в таком случае мы бы, пожалуй, *переживали* вещи, но это было бы отнюдь не познание. Если же

14. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 127.

15. Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 96.

правильно рассматривать понятие познания в изложенном выше смысле, то в каком-то отношении (на котором мы здесь не станем задерживаться подробнее) *любое* не чисто формальное познание можно считать таким познанием «вещей самих по себе».

Но рушится также и метафизика тех, кто, в противоположность Канту, утверждает, что мы можем непосредственно познавать собственное «Я», психические процессы так, как они есть сами по себе. Метафизика воли Шопенгауэра, равно как и любое спиритуалистическое мировоззрение, опирается на следующее соблазнительное положение, которое Паульсен, например, формулирует следующим образом: «Поскольку „Я“ постигает самое себя в самосознании, оно познает нечто действительное так, как оно есть само по себе...»¹⁶. Но пока мы погружаемся в психические процессы, они на самом деле никоим образом не познаются, они лишь даются, полагаются, переживаются: в переживании они *суть* «Я» или причастны ему. Этот факт описывается ложно, если говорится, что они познаются такими, каковы они *суть*. Можно сказать лишь следующее: они таковы, каковы они *суть*, — но тем самым мы мало чего добились.

Интуиция — мы видим это снова и снова — является прямой противоположностью познания. В чистой интуиции, в необработанном созерцании все совершенно индивидуально, все для себя, ни с чем не сравнимо. Многообразие переживания бесконечно, в нем ничто никогда в точности не повторяется. Предаться интуиции означает отвлечься от всякого сходства, отказаться от любого связывания и упорядочивания, короче говоря, отвергнуть все то, что, собственно, и составляет познание.

Тот, кто стремится познавать, должен подняться в сферу всеобщего, где он найдет понятия, которые ему потребуются, чтобы упорядочивать и обозначать индивидуальное. Тот, кто пребывает в состоянии интуитивного созерцания, изначально привязан к индивидуальному, за пределы которого он не может выйти, а потому и не способен познавать. Очевидно, что никоим образом невозможно исчерпывающим образом описать то, что дано интуитивно, ибо оно может быть только пережито. Бесконечно многообразное, вечно текущее нельзя представить словами, ведь слова имеют твердые значения и всегда обозначают, за исключением имен собственных, общие понятия. Уже гениальный Пуанкаре, полемизируя с философией Ле Роя, находящегося под влиянием Бергсона, заметил: «Об этом были написаны большие трактаты, для чего, однако,

16. *Paulsen F. Die Kultur der Gegenwart // Systematische Philosophie / P. Hinneberg (Hg.).* В.; Leipzig: Teubner, 1907. Т. I. Abt. VI. S. 397.

использовались слова! Неужели можно быть менее „дискурсивным“ и тем самым более отдаленным от жизни и истины, чем животное, которое живет совершенно просто, не придавая философованию? И не является истинным философом именно это животное?»¹⁷ По этой же причине невыполнимо и превозносимое Гуссерлем требование чистой феноменологии. Если взять в руки второй том его «Логических исследований», то мы найдем там несметное количество все более тонких различий и новых терминов, с помощью которых автор стремится исчерпать многообразие переживания. Поэтому нельзя избежать впечатления, что бесконечное многообразие «актов», способов сознания так и остается неопианным, и автор топчется на месте, никак не приближаясь к выполнению этой задачи. Истины, которые содержатся в этой книге, получены не посредством интуиции, а с помощью искусных обобщений, классификаций и наименований, не посредством «сущностного усмотрения», а с помощью сравнительного, символизирующего метода.

Чем больше мы познаем, тем выше мы поднимаемся над уровнем интуиции; чем больше мы погружаемся в созерцание, тем меньше мы наслаждаемся познанием. Нельзя вынести более строгого приговора метафизике как науке, чем утверждая, что ее метод заключается в интуиции. Интуиция и наука, переживание и познание суть противоположности. Мы можем добавить, что как можно более богатое переживание и созерцание могут быть столь же высокой задачей, могут придавать жизни столь же прекрасное содержание, как и самое глубокое познание, и даже могут цениться еще выше. Но мы изо всех сил должны препятствовать смешиванию того и другого. Это не пойдет на пользу ни тому, ни другому, тогда как ясность относительно их различия пойдет к выгоде обоих.

Если в настоящее время столь одаренные и воодушевленные люди вступили в борьбу за то, чтобы противопоставить философский метод естественно-научному, не удовлетворяясь всегда лишь упорядочивающей, перерабатывающей, устанавливающей отношения наукой, которая не стремится создавать ничего нового, но видит свою задачу именно в том, чтобы во всем находить нечто максимально старое и известное, — что ж, их воля предаться интуиции. Но они не в праве объявлять это философией, выдавать переживания за познание. Пусть они признаются, что они ищут и вкушают художественное, а не интеллектуальное удовлетворение.

17. *Poincaré H. Der Wert der Wissenschaft. 2. Aufl. Leipzig: Teubner, 1910. Bd. 2. S. 161.*